

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 27 1990

**Остап
ВИШНЯ**

**Василь
ЧЕЧВЯНСКИЙ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МОМЕНТА

М О С К В А ИЗДАТЕЛЬСТВО «П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 27

Издается с января 1925 года

Остап ВИШНЯ, Василь ЧЕЧВЯНСКИЙ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МОМЕНТА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

В этой книжке собраны ранние рассказы выдающегося советского украинского писателя Остапа Вишни, столетие которого страна отмечала в 1989 году.

В сборник включены также и юморески Василя Чечвянского, старшего брата Остапа Вишни. Столетие В. Чечвянского было отмечено в 1988 году.

*Перевод с украинского и предисловие
Анатолия САНЖАРОВСКОГО.*

БРАТЯ

Василь Чечвянский и Остап Вишня.

Между ними много общего. У них одна подлинная фамилия — Губенко, — потому что они родные братья. Оба сатирики-юмористы.

Василь Михайлович Губенко родился 28 февраля (11 марта по новому стилю) 1888 года на хуторе Чечва (Полтавщина). Отсюда и псевдоним Чечвянский.

Эту «слабость» он позаимствовал у младшего брата, у Павла Михайловича, первый псевдоним которого был Грунский (по местечку Грунь, где родился в ноябре 1889 года).

Сыновья крестьянина, по образованию военные фельдшера. Они одновременно учились в Киевской военно-фельдшерской школе. Василь Чечвянский участвовал в первой мировой войне. В 1917 году перешел на сторону революционно настроенных солдат. Гражданскую войну провел в рядах Красной Армии. В 1924 году демобилизовался, занялся литературной работой.

Остап Вишня был в двадцатые годы самый популярный на Украине писатель. «Гоголь Октябрьской революции» — так называли его тогда.

Позже на него было сфабриковано дело и целые десять лет, с 1933-го по 1943-й, он вынужден был провести в северных лагерях.

А до этого...

В январе 1927 года в Харькове начал издаваться первый на Украине журнал политической сатиры «Червоний перець». Среди его основателей и сотрудников оба брата. За год журнал завоевал широкую популярность. Наивысшим моментом празднования годовщины было торжественное надевание штанишек юбиляру. Дескать, подрос младенец, пора и штанишки носить.

Карикатурист дружески представил читателям этот момент. Тут мы видим и братьев. Они рядом. О них сказано:

«Остап Вишня. Редактор «Червоного перця». Женат. Бывший блондин. Охотник. Недавно с ним произошло чрезвычайное происшествие: застрелил зайца. Ей-богу! Но это злодеяние никак не действовало на его (не зайца, а Вишни) мировоззрение. Чувствует себя бодро даже тогда, когда к нему приходят представители всех украинских газет и жур-

налов и говорят: «Дядя, дайте фельетон! Ну хотя бы вот такусенький. Дайте же!»

Юморист, но в последнее время начал прятаться. Причина — «Дайте же!»

Василь Чечвянский. Шахматист и юморист. Талантливый шахматист среди юмористов и талантливый юморист среди шахматистов.

Секретарь редакции, но еще не битый. Любимые выражения: «Не пойдет!», «Пойдет», «Товарищ, зайдите завтра». Пишет много. Самое выдающееся его произведение такое: «Выписывайте «Червоний перець». Подписная плата на месяц — 30 копеек, на шесть месяцев — полтора рубля и на год — три».

В годовщину пятилетия журнал снова представил читателям своих сотруddников:

«Уважаемый читатель, насколько «Червоний перець» его изучил, прочитав заголовков фельетона, сразу опускает глаза на подпись — кого бить? А подпись редко бывает членораздельной. Всегда она складывается из двух-трех букв: «М. Б.», «Бон», «О. В.». Так дальше нельзя. Читатель должен знать, кто его враг, извините, автор, и я ему покажу. День пятилетнего юбилея я отмечаю полной ликвидацией обезлички.

Подписи: «В. Ч.», «Вас. Ч.», «Чиче» скрывают известного юмориста Василия Чечвянского. Этот автор прячется за буквами с одной целью — утаить от жены подлинную сумму литгонорара.

«О. В.», «В.» — подписи тоже известного юмориста. В восстановительный период этот известный юморист имел псевдоним Остап Вишня, но в пору реконструкции отказался от него и приобрел себе реконструктивный псевдоним «О. В.».

Веселым, острым, злым своим словом братья служили народу, боролись за его идеалы.

Незадолго до кончины Вишня записал в свой дневник:

«И если мне за всю мою работу, за все то тяжкое, что пережил я, посчастливилось хоть разочек, хоть на минутку, на миг разглядеть морщинки на челе народа моего, весело заискрить его глаза — никакого больше гонорара мне не надо.

Я — слуга народный!

Я горд этим, я счастлив этим!»

Какие отношения были между братьями? Как знаменитый Вишня смотрел на менее знаменитого Василия Чечвянского?

По словам Ю. Мартича, Остап Вишня не только любил его как брата, но и высоко ценил как соратника по жанру.

— У моего Василия только один глаз, — говорил он, — но видит он тем глазом остро.

В этой книжке собраны еще не известные русскому читателю рассказы и юморески обоих братьев — Остапа Вишни и Василия Чечвянского.

Анатолий Санжаровский.

ПИСАТЕЛИ

Слово «писатель» происходит от глагола «писать», а не от иного там какого глагола.

Стало быть, писателем называется человек, который пишет.

И не такой человек писатель, который случайное что напишет и станет... Нет! Писатель все время пишет и нет на него никакого удержу. Это начинается всегда так.

— Вот посмотрите... Не подошло бы вашей газете?.. Это я написал...

Смотрите.

— Не подошло б... Знаете... Не такое нам нужно... Нам бы если бы чтоб вот такое...

— Так у меня есть и такое. Вот.

— И это не такое... Нам как раз не такое нужно...

— Так у меня и не такое есть. Только дома. Я принесу...

— Принесите.

Вы смотрите ему вслед... смотрите... смотрите... смотрите...

— Нда,— говорите себе.— Есть!

Затем приносится «не такое, а вот такое».

— У меня еще есть!

— Ну что вы! Нам и этого хватит. Просмотрим... Зайдите так через недельку...

— Будьте здоровы!

— Товарищ, там типография просит на корпус... Рабочие стоят...

— Прямо беда... Ничего подходящего... Ага... Минуточку... Просмотрю... М-м-м... «Били мы Врангеля»... «Красноармейцы наши... орлы»... «Загнали в море»... Натее... Корпусом, скажите, пусть набирают...

И пошло.

А если уж пошло, тогда держись.

— Товарищ! Я еще принес... Вот... И вот... И вот...

— Добро! Оставляйте...

Во всяком случае, с этого момента считайте, что появился новый писатель, которому говорят:

— Распишетесь! Не боги горшки обжигают...

Месяца так через два смотришь — уже на литературном вечере он про форму и содержание жарит:

— У Тычины, знаете, что-то старое... Не скажу точно, что именно, но что-то есть... Такое... знаете... Не такое, а вот такое...

Вот так, как видите, получают писатели.

С ростом шевелюры крепнет то или иное мировоззрение, та или иная идеология, та или иная платформа...

Собственно, платформа не «та или иная». Платформа теперь преимущественно советская. Даже не преимущественно, а исключительно советская.

Мировоззрение — революционное.

Идеология чаще пролетарская или пролетарско-крестьянская.

Если к этому добавить пустой в большинстве случаев желудок, прекрасный аппетит, горячую кровь, хотя без соответствующего числа красных шариков, то внутренний мир писателя уже можно себе представить хорошо.

Внешне все писатели в брюках, иногда в довольно добротных, иногда в страшно дырявых (в зависимости от таланта). Многие носят длинные волосы.

Больше, кажется, особых примет нет.

По длине строки писатели делятся на прозаиков, поэтов и футуристов.

Пр о з а и к а м и называются писатели, у которых строка и очень длинная, и очень широкая, и очень дешевая.

П о э т ы. У них строка коротенькая, броская. И на конце присаженные или рифма, или аллитерация, или ассонанс.

Если этого довеска нет, то такой стих называется верлибром или ливерной колбасой.

Ф у т у р и с т ы происходят от слова латинского *futurum*, то есть будущее. Следовательно, еще не настоящие писатели. Будущие. Когда-нибудь начнут писать, а пока они играют в бирюльки, забавляются, учатся на писателей и скандалят.

Строка у футуристов бесформенная. Говорю же, они не взаправду еще пишут, а царапают.

По неясности своих произведений писатели делятся на символистов, имажинистов, неоклассиков, реалистов (и еще прорва «истов»).

С и м в о л и с т ы пишут стихами «символ веры». После они превращаются в неоклассиков, из неоклассиков в пролетарских, из пролетарских в футуристов, кроме поэта Якова Савченко¹, который был и остался символистом, потому что растерял все свои «символы веры», а это все равно что без паспорта.

Н е о к л а с с и к и — это те, которые твердят:

— Ей-богу, мы не такие, как вы нас понимаете! Ей-богу, нет! А вы вот так нас понимаете? Ай-я-яй! Как вам не стыдно!

---

¹ Савченко Я. Г. (1890—1937) — украинский поэт-символист.

И м а ж и н и с т ы — от слов «и мы мажем». Так что это всем понятно. Их у нас мало.

Р е а л и с т ы — это, как вы догадываетесь, писатели, которые окончили реальную школу, но не прошли по конкурсу в политехнику. Так реалистами и остались.

Есть еще особый сорт писателей. Это так называемые юмористы. Они пишут для того, чтобы читатели плакали, или сами, когда пишут, плачут: писать им не хочется. Несчастный народ юмористы. Даже когда зубы болят, должны писать веселое.

Символист или имажинист, или вообще какой писатель — им можно писать, что заблагорассудится. Трррагедию так трррагедию, комедию так комедию. А юмористу — обязательно веселое.

Главное в писателе — талант.

По таланту писатели делятся... Нет. Будем откровенны... Писатели все талантливы. Ей-богу, все. Нет неталантливых писателей. И никогда не будет.

Попробуйте сказать, что он неталантливый... Попробуйте.

Никогда не скажете.

А если и скажете, так под сердитую руку, и он вам не поверит...

Вот только где у писателя талант находится — не знаю. Никогда даже видеть не доводилось...

С иными ж и купался, но даже не заметил, хотя и приглядывался пристально.

Смотришь, человек как человек... Сядет писать — талант.

Талант — штука очень нежная и про него лучше много не писать.

Основное для писателя — гонорар.

Гонорар некоторые теоретики квалифицируют как первостатейный фактор в психологии творчества.

Склоняюсь и я к этой мысли, конечно, не как теоретик, а как практик от литературы...

Да что и говорить... Не было б гонорара... Ну довольно...

Точка.

7 октября 1923

«МОЛОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО»

(Идиллия)

«Тихесенький вечір на землю спадає»...

Этo каждый день... Такая уж у того вечера тиховойного обязанность...

Коровки домой идут, головами покачивают, хвостами помахивают...

Телятки за коровками бегут, помыкивают...

Пастушки за коровками идут, выражаются...

Во дворе Маринка Ваську забавляет и приговаривает:

— Тс, Василёк, тс! Мама корову выдоят, моньки дадут! Тс, Василёк, тс! Да замолчи, кость тебе в горло!

Отец с луга пришли, на завалинке сидят, сигарку из «Товарищ, строй воздушный флот!» крутят...

Курочки на огороде тыквы выгребают...

«Тихесенький вечір на землю спадає»...

. . . . .

Мама сейчас корову начнут доить.

— Мынь, мынь, мынь! Стой, гнедая, стой! Тррр! Стой! Да стой, чтоб тебя изверг успокоил! Пилип, иди поддержи, пока выдою!

— Тррр! — это уже Пилип.

Мама сели, за сосок дерг!

— Высосал! О господи! Снова высосал! А чтоб твоему сучьему сыну пути не было! Гони! Пили-ип! Выдул! Гони, телок пропадет!

— Чтоб он сдох! Сама гони!

— Гони! Гони телка! А я того сучьего сына погоняю! Куда ж ты глядел, чтоб тебе повылазило?! Говори, а?!

— Да, ей-богу, не высосал, я ж смотрел! То оно само высосалось!..

— Рыбу тебе удить, сучий ты сын?! Я тебе поудю! Я тебе поудю! Ты ж куда это бежишь?

— Ей-богу, не высосал!

— Придешь, шкуру спущу!

. . . . .

«Тихесенький вечір на землю спадає»...

Тятя телка на корде гонят:

— Брички! Брички! Брички!

— Гони, Пилип! Пропал телок!

— Да гоню!

. . . . .

— Пилип!

— А?

— Гоняешь?

— Гоняю!

- Высосал?
- Чтоб он сдох!
- Ты б сам кувшинчика три выпил, чтоб не даром бегать!
- Иди ты к черту!

. . . . .

- А я тебе говорил помазать соски пометом, не высосал бы!
  - А я тебе говорила сделать из гвоздей намордник, не высосал бы!
- Аист стоит на одной ноге на хате, смотрит на хозяев и смеется...

. . . . .

«Тихесенький вечір на землю спадає»...

. . . . .

Вы-со-сал!

1925

АХ, МОЛОДОСТЬ!

Молодость! Юность!

Это, само собою разумеется, школа, клуб, изба-читальня, физкультура, сельскохозяйственный кружок!

И... светлое будущее. И лучше, чем у нас, жизнь!

И радость...

Только...

Только ж, ах, молодость! Ах, юность!

Не там всегда клуб, где вы иногда думаете!

И не там читальня.

И это не физкультура, которой вы иногда хвалитесь.

И сельскохозяйственное образование не в тех кружках начинается, к которым порой примкнуть хочется!

* * *

Когда вы целой ячейкой идете по селу глухой ночью и замечаете — во-он там плошки свет подслеповатый и заходите всей ячейкой на тот огонек бледно-желтый, и когда тот огонек вдруг гасится, и поднимается шум веселый и писк рода человеческого в юбках, и слышится голос

сердитой Мотри-солдатки: «От лешие жеребцы!» — не пишите, пожалуйста, в отчетах своих, что у вас на селе прекрасно идет клубная работа...

Ах, молодость! Это не клуб, а посиделки!

* * *

Если товарищ ваш, молодой и прыткий, напишет на двери лавки или на заборе одно слово из трех букв или целый стих, веселый и выразительный, не собирайтесь вы возле стиха толпой хохотать и приговаривать:

— И ты из яра,
И я из яра.

И не говорите после того, что были в читальне.
Ах, молодость! То не изба-читальня!

* * *

Если кто из вас, физически хорошо развитый, схватит кирпичину и устривает ею в окно, или в телеграфные провода, или в плетень, не устраивайте ему бурной овации за метание диска...

Это не диск, а кирпичина.

И не говорите, что у вас прекрасная футбольная команда, когда вы идете улицей и один из вас подцепит ногой дядькова поросенка и вы проведете тем поросенком целый хавтайм и даже забьете им, поросенком, гол в Степанидины ворота...

Это будет не футбол, а, как говорила тетка Марина:

— Чумы на чертей нету!

И то не марафонский бег с препятствиями, когда вас вдвоем или втроем застучает дядько Онисько на бахче и вы летите через рвы, через плетни, через перелазы. Это будет:

— Беги, братцы, засыпались!

* * *

Когда вы на Ивановом стогу озимой пшеницы шумно возитесь всю ночь напролет с девчатами, это — хотя вы и докопаетесь до всевозможных особенностей озими — ничего общего не будет иметь с сельскохозяйственным кружком.

Назначение сельскохозяйственного кружка совсем иное:

— Собирайтесь под стогом, да потихоньку!

Ах, молодость! Ах, юность!

Живите и не спрашивайте нас, стариков:

— А вы бы не полезли?

Не спрашивайте! Каждый из нас ответит:
— Не полез бы!
И соврет!

1924

ЧТО ПОСОВЕТУЕШЬ?

Отмолотились, отвеялись, ссыпали зерно в засеки.

Отсеялись.

Съездили на ярмарку.

Женили, у кого там было женить...

Выдали замуж, у кого там было кого выдавать...

А дальше что?

Ну, скажем, сегодня выпил, завтра выпил, послезавтра выпил и еще выпил...

А дальше?

Ну месяц пусть будем пить, все ж осточертеет когда-нибудь она или он...

Она — горькая...

Он — из сахара...

Настанет же такой момент:

— Идем по махонькой...

— Не хочу!

— Тыфу!

Вот тебе и тыфу! Пил две недели, вчера глотнул, а она вот тут стала и не идет! Ну не идет. Что хочешь, то и делай!

Это значит до точки...

И что тогда делать?

А как смеркнет... Такая ночь... Ворочаешься-ворочаешься, куришь-куришь... Не светает...

Первые две недели после Кузьмы и Демьяна еще спишь...

Потом и бедра болят, и бока болят, и локти болят...

Подкидной дурак?

Штука преотличная, так штаны протираются...

И опасная...

Две недели один знакомый день и ночь ляпал, а потом схватился, начал кукарекать и подбрасывать детей...

Девчат к девчатам, ребят к ребятам:

— До масти! — кричит.

Пособоровали — отошел.

Теперь не играет...

Так что же делать?

Не знаю...

Газеты выписывать, в клуб ходить, книжки читать, на агрономов ходить беседы?

Если б в книжках рисовали червы да бубны, может, и читал...

Если б в клубе давали по лампадке, может, и ходил...

А так...

Тяжкое дело зима...

Что посоветуешь?

1925

СЕНОКОС

Когда трава вянет...

Тогда она сереет и жолкнет, и стебель ее морщинками берется, и нет в ней жизни, той жизни, что и из стебля и из листа зеленого силую звенит...

Тогда опускает трава голову и ждет.

Она, наверное, знает, что придут белые штаны и белая рубаха, что будет дзинькать под брусом коса, что из той дырки под брылем вылетит:

— Господи, благослови!

И острая сталь вонзится в стебель...

Трава ляжет набок на покосе и засохнет...

И нет больше травы, а есть сено...

Сено с соломою перемешают, бросят в ясли...

И будут тереть когда-то зелено-буйную траву кобыльи или воловьи зубы.

А потом упадет она пометом в хлеве, соберут ее, польют водой и замесят из нее кирпичи.

И будут потом гореть кирпичи, и дымом улетят или останутся золой на огороде, где и будут век вековать, пока не затрубят трубы архангельские и не сядет отче наш на престол и не скажет:

— Товарищ Иван Кондратьевич Недодеримотня, а какого черта вы не удобряли золой пашню свою? Не знали, что зола для удобрения штука хорошая? А про это ж в газетах сколько писалось!

— Отче наш,— скажет Иван Кондратьевич Недодеримотня,— что еси на небеси... Если б знатьё...

И скажет отче наш:

— Схватить Ивана Кондратьевича Недодеримотно и ввергнуть в печь огненную. Додрать ему мотню от пояса до пояса и посадить грешного на стерню его. Да колет стерня его ныне, присно и во веки веков.

И затрубят ангелы и архангелы в трубы среброголосые:

— А-а-а-ами-инь!

* * *

Травушкина карьера...

Серееет когда-то зеленая трава, становится пепельной, жолкнет, роняет голову свою и ждет смерти...

* * *

Когда вянет зеленая трава, тогда клепают косы. Тогда пробуют косы на палец, остряют косы брусом и наостренем¹...

В ту пору на ярмарках и в кооперативных лавках долго выбирают косы, берут их за пупок, бьют носком об землю или об лавку и долго-долго к звону прислушиваются...

Звоном коса по селянскому уху бьет и рассказывает будущему хозяину, тверда ли она, мягка ли, уходиستا ли...

Мягкая коса звенит долго, слабо-слабо:

— Ммяхка-а-а-аа...

Звоном крепкозвучным и коротким бьет твердая коса:

— Я такая!

Откладывается мягкая коса и берется твердая коса, клепается и на косовище набивается.

И на лугах всюду:

— Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!

Траву косят...

* * *

А когда человек пятьдесят на лугу выстроятся!

«Общественную» валят!

Как в песне поется:

Вийшли в поле косарі
Косить ранком на зорі,
Гей, нуте, косарі,
Що не рано почали...

---

¹ Наострень — род узкой лопаточки, намазанной смолой с песком и служащей для острения косы.

Тогда точат!

Ах, ка-ак тогда точат!

Тогда так точат, что не сенокос перед вами, а точильня!

— Точишь, Иван?

— Да затупилась...

— В который раз?

Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!

При совместной косьбе какой прекрасный инструмент наостренье!

Как он необходим!

Как вода, как воздух!

И живот.

— Что, Дмитро, трижды сегодня обедал или, может, Малашка недоваренным накормила?

— А что, по-вашему, уже и сходить нельзя?

— Мы думали — умер...

А дед Остап:

— Для коллетивной работы, я вам искажу, должен быть народ сознательной... А то он только и делает, что точит косу или за кустом сидит...

* * *

Когда вянет трава...

Когда пепелеет трава...

1925

ДЕРЖИСЬ, ХЛОПЦЫ!

(Роман в 4 частях с эпилогом и моралью)

Глава 1

Владимир Ячейченко... Комсомолец...

Девятнадцать лет... На нем кожаная куртка, а на ней «КИМ». Владимир Ячейченко бравый парень и здорово поет:

— Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Глава 2

Посиделки...

А на посиделках девчата...

И воздух на посиделках терпкий, томный...

И Мотря на посиделках...

А у Мотри очи голубые... Обязательно голубые... А в Мотриных
очах чертики... И губы у Мотри алые...

А ниже у Мотри шея...

А ниже у Мотри персы...

А ниже у Мотри кубовая юбка...

И запекает Мотря молодым выводным голосом:

— Як була я молода,

То я була резва.

И подхватывают девчата с хлопцами, и поют.

Глава 3

Циркуляр окружкома:

«Охватить посиделки в культурно-просветительных целях».

И сказал Владимир Ячейченко:

— Охватим!

Глава 4

Владимир Ячейченко охватывал посиделки.

На нем кожаная куртка, а на ней «КИМ».

В руках циркуляр окружкома «Большевик».

А на столе каганец.

А вокруг него девчата.

А вокруг девчат воздух терпкий и томный.

И говорит Владимир Ячейченко:

— Товарищи! Давайте лучше вместо «молодой и резвой» я вам про
молодую про гвардию расскажу.

И села Мотря рядом с Владимиром Ячейченко, и наклонилась к его
кожаной куртке (а на куртке «КИМ»), и говорит голосом нежным:

— Расскажи, Володя!

И начал Владимир Ячейченко:

— Товарищи! Молодая юношеская гвардия идет старшим на сме-
ну... Отодвинься, Мотренька!

— Чего бы я отодвигалась? Так хорошо, когда близко. Хи-хи!

— Так вот, товарищи! Наша молодая гвардия... Не щекочи, Мо-
тренька!

— Хи-хи. Щекотки боишься? Значит, ревнивый?

— Так вот, товарищи! Наша молодежь... Ой, Мотря, не напирай.
Я тоже напереть могу.

— А ну, как ты можешь?

Эпилог

Не выдержал Владимир Ячейченко провокации из Мотриной молодой груди...

Мораль

Держись, хлопцы, охватывая посылки.

1925

«ДОЛОЙ СТЫД!»

На черном рабочем пути жизни нашей будничной, в неоглядной степи работы непочатой, среди труда, труда, труда, среди труда, который пластами-великанами закутал нас со всех сторон, послала нам судьба пышный цветок, взлелеянный буйным разумом человеческим...

И величается тот цветок пышный:

Товарищество «Долой стыд!»

В городах Союза великого выходят на улицу люди голые, фиговыми листочками прикрыв свой «стыд», и шпацируют по улицам на радость и рабочих, и крестьян, и советских служащих, а больше всего на радость детства и юношества беспризорного...

Какое прекрасное зрелище!

Стройные, как серны, красивые, как Аполлоны Бельведерские, обворожительные, как Венеры Милосские, они лучом тела белого разрезают нашу будничную мглу...

Какая прекрасная идея!

И какая не прекрасная милиция!

Арестовывает...

Почему, позвольте ее (милицию) спросить?

Какие тут для милиции привилегии?

Почему милиция, забрав очаровательных молодых людей в район, может ими любоваться, а мы, обыватели, нет?

Несправедливо...

Дело это следует так поставить, чтоб всем видно было.

. . .

Прекрасная идея!

Я представляю благословенный час, когда она, идея эта, распространится...

Товарищество «Долой стыд!» зарегистрировано в Главкооперкоме!.. Идете вы на службу...

А впереди вас, и позади вас, и сбоку скачут стройные обнаженные фигуры.

Вот несется, например, главный бухгалтер из Лебедытреста с тридцатипятилетним стажем (бухгалтер, а не трест со стажем).

У него солидный фиговый лист, толстый и отглаженный, каковой и надлежит иметь солидному человеку, получающему спецставку...

А вот регистраторша из ВУЦИКа, у нее тоненький кленовый листочек бантиком, а около пупка черненькая мушка... Она кокетничает... То поднимет листочек, то опустит... А сама вся радость, вся искра...

Бурсацким спуском плывет на базар Федора Силовна. Она маслом торгует. Ей ни один фиговый лист не подходит. У нее преогромный лист-комбинация: половина из лопуха, половина из капусты. И этой комбинации не хватает. Остальное она грациозно прикрывает сковородкой.

Вот по улице Либкнехта катится репортер. Он торопится на интервью и забыл прицепить фиговый листочек... Прикрывается портфелем...

— Вы ж, товарищ, хоть портфелем не размахивайте!

...

Прекрасная идея!

Только зимой придется в гололед тротуар песком посыпать...

А то, случаем, как поскользнешься на Университетской горке, как двинешь анфасом вниз по лестнице, тогда и впрямь выйдет: «Долой стыд!»

Сотрешь все начисто!

1924

СОН КОБЫЛЫ ВОРОНОЙ

Ветер дул... Снег шел... Холодно было... И святой вечер был...

А ворона кобыла, Стовбутова Ивана кобыла, в хлеве стояла, от холода дрожала и, понурившись, тыкалась носом в ясли с ржаной сечкой...

Подводило вороной кобыле живот, чесалось в правом паху, густо покрытом засохшим пометом, неприятно ныло что-то у репицы...

Отошла Стовбутова Ивана кобыла немного назад, почесала о дверной косяк репицу, грызнула себя за правый пах, оторвала клочок помета, клацнула зубами и задумалась...

И припомнилась вороной Стовбунова Ивана кобыле ее молодость...
Как бегала она сосунком на зеленом лугу, как, задрав хвост, весело стригунком ржала, как вертела головой, норовя сбросить первый хомут.

Многое вспомнила Стовбунова Ивана вороная кобыла...

И первое горячее дыхание серого в яблоках жеребца, и ее пред ним дрожь, и тихий его храп.

И засветились у вороной кобылы глаза, и прошептали радостно уста:

— Только утро любви хорошо,
Хороши только первые робкие встречи.

Потом первое материнство... Нежный-нежный, с мягкой блестящей шерсткой жеребчик черненький... Такой хрупкий, с кудрявым хвостом, с пухленькой гривкой...

И материнская радость первого кормления... Маленькие губы нежно тянут за сосок, и причмокивают, и подталкивают, и легонько кусают... И радость такая полная, такая великая радость течет до самого сердца, и наполняется ею все существо, и переходит в сосок, и маленькими струйками в нежные уста переливается...

И первый ее хозяин...

Такой учтивый, такой мягкий...

И посейчас еще чувствует она его руку натруженную... Гладит по шее, ласково треплет...

И его скребница словно в эту минуту ее краж скребет, и его щетка да скребница мягко успокаивают...

— Стой, голубка! Стой!

. . .

А потом ярмарка...

А потом этот хлев, грязный и холодный. И эта сечка ржаная. И Ставбунова Ивана кнут, едкий и болючий.

Черти б забрали такого хозяина!..

Противно вздрогнула Стовбунова Ивана вороная кобыла и уснула...

И снится вороной кобыле сон...

Запрягают ее в бричку, везет она бричку на станцию...

Выходит из вокзала человек, за ним несут четыре огромных узла. Кладут узлы на бричку, садится на нее тот человек и везет она его к себе в село. Приехали, остановились у клуба.

И слышит кобыла крик:

— Агроном приехал! Агроном приехал!

Сходятся люди к клубу... Выходит агроном на крыльцо и рассказывает людям, как за домашним скотом ходить...

А потом узлы распаковывает, а там книжки, а на тех книжках конь красивый нарисован...

И раздает агроном книжки людям.

Люди книжки читают... Что-то говорят, размахивают руками...

И вдруг проснулась...

Хозяин перед нею...

Болела правая нога...

— Чего ржешь? Мажмазель какая! Уймись!

. . .

Прошел дьяк в церковь.

И в голове вороной Стовбутова Ивана кобылы буравчиком завертелась мысль:

«Почему нет монастырей кобылих? Пошла б я в монастырь от жизни от этой индивидуальной, безрадостной. Постригла б гриву, постригла б хвост... И в черных кашемировых шлеях ржала б кондаки, тропари, славословия»...

Звонили колокола...

1924

НИЧЕГО НЕ ПОДЕЛАЕШЬ, ГОТОВИМСЯ!..

Как-то я уже писал про всемирный потоп...

Писал, что страшиться нечего. Подсчитали профессора и сказали, если потоп и будет, то не ранее как через 80 000 000 лет. Нам вроде хватит.

Но профессора ошиблись.

В селе Голоревке евангелисты упрямо распространяют слухи, что через две-три недели будет потоп, что первым делом зальет Украину.

И всем нам, грешникам, труба с дымом...

Время, значит, спасаться.

Как?

Способ есть надежный, проверенный.

Надо ковчег строить. Это не так трудно. Просто заказать в Николаеве на судостроительном заводе.

Главное, кого брать?

«По семь пар чистых и по семь пар нечистых».

Считаем:

1) Пару тихоновцев.

2) Пару обновленцев.

3) Пару автокефалистов.

Это — обязательно.

Пусть все молятся. Кто знает, чей бог у них правильной.

Поехать без них — плавать будешь без конца-краю и за Арарат тебя бог не зацепит. А то, смотришь, какой и вымолит...

Затем, по-моему, так:

4) Пару валютчиков. Приспичит червонцы разменять, где ты их разобьешь без валютчиков?

5) Пару торговков. Одну с капустой кислой, а другую с яйцами.

6) Пару самогонщиков. Могут же случиться крестины ли, день рождения ли, похороны ли.

7) Пару старух знахарок как медицинский персонал.

Это «чистые».

Из «нечистых» возьмите двух милиционеров для порядка...

Остальных подберем при отправке.

Зверей надо всех брать, обязательно... И птиц... Канареек можно побольше. Пар десять. Птичка она маленькая, много не потянет, а поет больно харашо. При самоваре да при граммофоне просто слушал бы да слушал...

Голубя не забудьте для разведки.

Из вещей следует взять самовар, граммофон, подушек побольше, макитру, примус, зажигалку, корыто...

И поедем с богом...

Сядем, перекрестимся да как хватим:

— Вни-из по матушке по Волге...

Думаю, спасемся.

Ибо в святом писании сказано:

«И елика в водах под землею».

Правильно сказано.

1924

СПОРТ НА СЕЛЕ И ВООБЩЕ

Немножко про спорт на селе.

В городе дело со спортом стоит на правильном пути. Если еще не все играют в футбол, то к двадцатой годовщине Октябрьской революции не будет, наверное, ни одного сознательного гражданина, который бы не знал, что такое хавбек, что такое голкипер и когда именно надо вколачивать гол.

На селе, правда, со спортом мы замешкались.

Обвинять село в том, что оно безразлично к спорту, не приходится.

Село любит спорт и любило его с давних давен.

Вспомним.

Детство.

Наперегонки. Это ж теперешний марафонский бег. Ни тебе правил особых. Просто себе поднял сорочку, чтоб меж ногами не путалась, и чешешь от Василя до базара...

Но дело даже не в правилах, важен сам факт.

И дальше различные виды спорта.

Ворота, например, на хату вспереть. Или незаметно для хозяев затащить на клуню корову...

Это уже в парубковом возрасте.

Позже, как борода загрязнит лицо, спорт становится солиднее: вола или коня свалить за хвост.

Перетягивание на оглоблях. Это чаще после ярмарки по дороге домой, среди шляха:

— Тррр! А ну кто кого?

Выпрягают лошадей, снимают с воза оглоблю, садятся друг против друга, упираются друг в дружку ногами, хватаются руками за оглоблю и тянут — аж глаза на лоб лезут.

Когда оглобля поломается, хлоп обломком по голове:

— Не ломай оглоблю!

Еще из распространенных видов спорта на селе можно указать на перекидывание арбы с сеном или со снопами и на кулачки.

Про эти виды спорта все знают, не буду я на них останавливаться.

Так что, как видите, спорт на селе был и есть...

Но спорт этот ни под какую категорию общепризнанного спорта не подходит и упорядочить его каким-нибудь правилом нельзя...

Ну какие вы правила придумаете хотя бы для того, чтоб затащить корову на клуню?

Очень трудно. И коровы разные, и клуни разные, и люди разные — где их уже там под какую-то одну мерку подогнать?!

Так что и на селе придется переходить на футбол.

Футбол на селе появился. И имеет успех.

Вызывает он недовольство у родителей не сутью своей, а больше тем, что сапог не напасешься.

— Ты, бестолочь, гоняешь мяч, так гоняй без сапог. Где я тебе на сапоги наберусь?

А так против футбола особых возражений нет.

— Пускай бегает сукин сын. Набегается, меньше с девушками будет ржать. По судам не потянут за те алименты...

Что до футбола как эстетического зрелища взгляды тут разные.

Старухи ропщут:

— Оно б и ничего, если б в штанах бегали, а то ж голым-голенькие...

А родители на то:

— Вот бы даже и тех коротеньких штанцов не было. Вот бы им железные... Ну дерут же, ну дерут — и, господи ж, горит на них усё!

Футбол, очевидно, и на селе, как и в городе, займет почетное место среди способов разумного развлечения.

Про одно только должно подумать. А именно: не перенести ли футбол в селе на зиму... Чтоб зимою голы забивать. А ну охватит футбольная эпидемия и село так, как и город, кто будет скот пасти, кто будет пахать, сеять, жать.

Тут тебе рожь косить, а оно как раз матч — Тарановка против Водолаги...

Может рожь перестоять...

А вообще спорт штука полезная и куда приятней синусов с косинусами и индустриализации сельского хозяйства.

1927

Василь ЧЕЧВЯНСКИЙ

О СЕБЕ

Василь Чечвянский — псевдоним.

Как и большинство революционно настроенных граждан нашей революционной Отчизны родился я до Революции на хуторе Чечва на Полтавщине.

Мне сейчас 45 лет.

По происхождению селянин.

Отец был селянином.

Я — сын селянина.

Мои дети — внуки селянина.

Когда я работаю, а дети мне мешают, я кричу:

— Селянс¹!

Дети моментально утихомириваются.

Как видите, в воспитании нашей смены я применяю селянские принципы. С привычками проклятого прошлого покончил давно и бесповоротно.

Уверяю, когда у меня бывают гости, я никогда не скажу:

— Давайте пить чай.

А скажу:

— Есть предложение пить чай. Кто за — прошу поднять руку.

Если на улице кто дебоширит, я ни за что не скажу:

— Эй, вы там! Ну-ка! Без хулиганства!

Нет. Я скажу только так:

---

¹ Селянс (от фр. *сильанс*) — тихо.

— Товарищи! Будьте в конце концов сознательны. Мы накануне построения бесклассового общества, а вы нарушаете тишину и покой, мешаєте нормальному уличному движению в то время, когда пролетариат напрягает, а буржуазия заостряет.

Я не умываюсь, а «пользуюсь коммунальными услугами».

Я не договариваюсь с женой, когда и что есть, а «согласовываю с домохозяйкой проблему питания».

Ловлю рыбу на Донце не просто на червяка, а «пребываючи в тарифном отпуске».

Вообще от меня несет современностью.

Когда мой сын приходит из школы, я не спрошу его, как спрашивал меня мой несовременный отец:

— Что, снова батюшка по закону божьему коляку водрузили? Иди-ка сюда, сукин сын, дай-ка я тебе космы повытрясу!

А спрошу:

— Ну-ка рапортуй об очередном достижении. Зад¹ или незад²? Снова незад заработал? Иди-ка сюда, дезорганизатор, я тебе покажу, как без зада домой приходите!

Как видите, в личной жизни я вполне современный человек.

И в общественной.

Когда я прихожу на почту или в страхкассау и вижу, что у нужного мне окошка очередь, я непременно скажу:

— Кто последний? Я за вами.

А потом уж спокойно выслушаю из окошка:

— Не видите разве — перерыв. Не мешайте перерываться, гражданин.

Теперь относительно моей литературной работы.

Но не лучше ли, если о ней будут говорить читатели, рецензенты? Самому как-то неудобно.

А главное, боязно: еще какой-нибудь уклон у себя найдешь.

А со стороны видней.

Какой, например, в произведениях Чечвянского юмор: утробный, животный, беззубый, острый? Национальный ли по форме и пролетарский по содержанию? А? Мне тогда будет виднее, как перестраиваться, стоит ли пускаться на поиски реализма, или, может, не надо уже искать реализм, может, он уже найден...

Критика очень помогает писателям.

Например, на одну мою одноактную комедию-шутку была такая рецензия:

«Написано замечательно хорошо. Берет за живот до колик. Надо же и самокритикой бороться с неполадками. Есть и другой выход: выбросить вторую часть и вообще переделать шутку».

---

¹ Зад (овільно) (укр.) — уд(овлетворительно).

² Незад (овільно) (укр.) — неуд(овлетворительно).

Ну вот видите. Прочтешь такую рецензию и сразу все тебе ясно, где хорошо, где плохо и какой выход.

Нет уж, пусть моей литературной работе дают оценку критики. Я всегда полагаюсь на авторитеты.

Проклятая привычка.

1933

ЯРМАРКА В ПОЛТАВЕ

— Граждане! Не скопляться! Проезжайте живей! Соблюдайте порядок! Коли ты, примером, свинья, так не лезь в коровий отдел. И вообще очень прошу! Ну!? Кому я говорю? Вам говорю — какого ж ты черта воронловишь? Никоторой сознательности! Смотри на арку. Написано: «Добро пожаловать» — значит, и придержиайся лозунга, а не прись, как саранча членовредительная.

— Беспроигрышная лотерея «Иде-фикс», или, по-нашему, верное дело. Прощу не путать с прочими подобными одурачиваниями доверяющей публики. Еще только три дня! Мыло попадается! Духи попадаются! Пудра попадается! Булавки, иголки попадаются! Граждане, будьте уверены, как дома!

Раз вы купили билет за пятнадцать копеек, полбеда уже сделано — и ключ от секретности вашей судьбы в вашей собственной руке!

— Мухоморы «Идеал». Высшее наказание для мух. Приговор исполняется завсегда. Помилований не бывает. Только тут и только сегодня! Смерть мухам! Мухоморы «Идеал»!

— Кварц-наждачный брусок. Лебединая песня Эдисона! Изобрел и не умер! Точит ножи, топоры, косы, поднимает разные хозяйственные вопросы! Вот вам коса — беспросветно тупая. На ваших уважающих глазах я беру косу и ударяю по своей руке — без последствий! Коса, как видите, тупая! Потом я беру кварц-наждачный брусок и, не говоря худого слова, провожу по косе несколько раз способом, известным науке под названием «наострень», и прошу: даже бумага режется, как воздух! Не подумайте, граждане, что тут какая-то манипуляция с руками или отведение глаз. Все это секрет изобретателя, который с помощью металла кварца и минерала наждака с добавкой почвы Арканзаса¹ и трех частей собственной секреции изобрел кварц-наждак! Брусок за тридцать копеек!

---

¹ Арканзас — штат в США.

А стекло? Как шлифовать стекло? Пальцем не отшлифуешь! Чем резать стекло? Одного желания мало! Кварц-наждачный брусок режет стекло какой хотите форменности. Криво, косо, фигуры, зигзаги!

Покупайте, граждане, потому что это вам не какие-нибудь медные часы 56-й пробы, а вещь осязательная на ваши собственные глаза!

— Да, коньки справные, что и говорить! Но, истинно говоря, держать их можно только для заведения потомства. Потому, запряги его в воз или, к примеру, в арбу, то останутся, безусловно, одни оглобли, а остальное перейдет в забвение праха — и домой пойдешь пешком! Што, неправильно? На таких коньках, дорогой товарищ, видать, и на конском фронте делишки подправляются! Што, неправильно?

— Отцы наши благодетели.
Мамы наши сожалетели.
Подайте темному, незрелому,
Заработать неумелому,
Войдите в сознание —
Гляньте на мое сострадание...

— Этот конища с запалом¹? Гражданин! Да вы лучше вдарьте меня по морде, но не употребляйте таких слов! Да где же у него запал, накажи меня бог?! Настоящий конища довоенной продукции! И что ты в зубы заглядываешь? И зубы, и противной хвостовой полюс в исправности. Да этого коня хоть в подозрительную трубу разглядывай — все на своем месте. Что? Триста дорого? Ну, молись, двести девяносто и десятку на пропой! Не идет? Ну и за двести не пойдет. Пускай постоит. Воздуху не занимать. А кормов он по три дня не просит — все равно не даем! Походи, походи, дружок! Ноги, видать, свои, не покупные. Походи!

— Ваша судьба, мадамочка, безусловная, но зависит она от одного ответственного короля из казенного дома. И загинаить король ваш признание какойсь-то блондинке, да вы не сумлевайтесь: с блондинкою у него антирес вроде как де-юре, а с вами дошло до факту, и видать это, дорогая, и по картам, и по вашей хвигуре...

А у вас, дорогой товарищ, недоразумение с тремовым королем.

По этой гризинательной линии будто тот король из контрольной комиссии, а по этой шпенпердикулярной — будто из вашего учреждения.

И копать, копать король тот под вас разные ямы и закладывать фу-гасы.

---

¹ Запал — болезнь легких у лошади, выражающаяся в одышке.

И на пролетарское происхождение не надейтесь, оно у вас уже стерлось.

А мозоль эта — ни к чему. Это портфельная. Комиссия на нее не обращает внимание.

Женская линия у вас сильно разрослась и совсем унистожила линию алиментарную.

А этот горбочек — от водочки. Выпирает он чрезмерно...

— Держи! Держи! Лови! Товарищ милиционер! Эта голая сволочь украла у меня коробку пудры! Без штанов, мерзавец, ходишь, а красть умеешь?

— Граждане! Прошу в район, не выражаться! Там все без вас будет сделано, по закону! В чем дело?

КАК ОНО БУДЕТ

(Шутка)

В Париже борьбу с пьянством проводят таким способом: все поступки пьяного фиксируют на пленку, а потом, когда артист проспится, ему показывают фильм.

Газеты отмечают очень хорошие результаты такой работы: почти все пьяницы, увидев себя на экране, бросают пить.

Помня, что мы от Европы никак не отстаем, а наоборот — догоняем, надо думать, скоро и у нас введут этот способ.

В самом деле, чего бы лишний раз не утереть нос буржуйским акулам?

— Дежурный!

— Есть!

— Как у вас сегодня? Много?

— Тридцать два!

— Все проспались?

— Почти все в норме. Только один какой-то помбух представляет, будто он на пляже, и все норовит выкупаться в плевательнице, а она мала.

— Оставить помбуха до вечернего сеанса. Остальных приглашайте по одному в зал.

— Есть!

— Гражданин Квочка! Ну, как впечатление?

— Плохо...

— Ну, вот видите. Сами говорите, что плохо...

— Плохо... Ну как это полезть на памятник Гоголю?.. Так острамиться... Теперь ни за что на свете не буду пить... водку с пивом... Одно

что-то: или водку, или пиво... Очень благодарен, что показали... Теперь не буду мешать. Что-то одно: или пиво, или водку. А то, вправде, неловко. Очень благодарен. Прощайте.

— Ой дружочки! Ой дорогие! Спасители! Благодетели! Вот уважили! Да теперь я свои деньги — раз плюнуть — найду! Это ж она их сперла — Манька! А то вчера так набрался, что не помню, с кем гулял. Или с Манькою, или с Лизкою! А теперь... Вот спасибочки! Великая штука кино! Да здравствует! Бегу!

— Ой! Не могу! Ой! Умираю! Ей-бо, умираю! Хо-хо-хо! Го-го-го!

— Чего вы хохочете, гражданин? Что ж тут смешного? Вы — пьяный — заснули на тротуаре.

— Да разве я над собой смеюсь! Заснул. Подумаешь, кадрик! Вот кум Иван Иосипович отмочил. Монти Бэнкс¹! Побей меня бог! Го-го-го! Полез в собачникову будку. Думал спяну — такси! Вот штукерия! А собаки — оттуда, а шкуродер кума — бить! Во-от кадрик! А то заснул. Подумаешь? Товарищи! Я сбегая за кумом, а вы тогда еще раз крутните. Интересно ж получается!

— Товарищи! Ну что б эту сценку да крупным планом дать: пью ж на красоту! Можно сказать, просто показательным порядком пью, а вы так сняли неудачно...

— Эх! И до чего ж обидно...

— А то нет? Такая закусь и всю вырвал. Жалко, жалко...

— Меня сия картина не удовлетворяет. Потому я, как напьюсь, за- всегда не безобразую, а только, значит, тихо и спокойно матерюсь. Конечно, мне больше подходит звуковое кино, которое, значит, производит разные звуки и слова. Тогда действительно интересно. А обыкновенное кино для меня ничто: сам себя созерцаешь, а что ты говоришь и кого, например, ругаешь — неизвестно.

— Товарищ киномеханик! Кажется, все?

— Все.

— Вы сейчас куда?

— Обедать.

— Домой?

— Да нет. Думалось, в «Аркадию»² заскочить.

— Как раз! Тогда пойдем вместе!

Уважаемые читатели! Даю слово чести, что, когда мы будем договаривать Париж, я стану обедать только дома.

И дома можно прекрасно выпить.

---

¹ Монти Бэнкс — талантливый американский комедийный киноактер.

² «Аркадия» — ресторан в Харькове.

ХРИСТОС ВОСКРЕС

(Монологи)

— Хрисссс восссс! Дядюшка! Дорогой! Обратите внимание! Пасочка — продукт коллективного творчества. Всем семейством совершенствовались. Просю! Поросятинка с индивидуальным уклоном — сам покупал, сам жарил. На свой вкус. Водка — государственного производства. Пустяковину добавил лишь для цвета. На зубровке настояна. Кто за, чтоб еще по одной? Воз-дер-шавшихся нет? Иван Иванович! С дядею. Дядюшка — с праздничком! Что? Душа горит? Холодца душе горящей. А для усиления реакции — этой холоденькой чарочку. Кто за? Единогласно! Люблю организованность. «Елици во Христа-а-а креститися-а-а...» Дядюшка! Не лезет? Вопрос? Протолкнуть колбаскою. Надавить, так сказать, по нисходящей линии... Держись, дядя! Иван Иванович, помогите ввести во внутренние апартаменты нашего высокочтимого дяди вот этот витамин с чесноком. Да здравствует! У меня лозунг «Все для гостей!» «Воскресе-е-е-ния день, просветитесь, людие!» Степан Степанович, просвещайтесь. А дядя снова в оппозицию? Ах, «не ммогу!» Ах, дядя не ммможет? «Ох и чудно мне, ох и дивно мне», как сказал наш великий поэт Тарас Трясило. Чтоб такой дядя да не мог? Сдает, значит, дядя на двенадцатом году революции. Подкрепить надо дядю коньяком с пятиугольными звездочками. Влить в дядю коньячку. Да здравствует дядя!!! «Христос воскре-ес из мертвых!!!» И главное «смертью смерть поправ...» Забодай его комар... Вот за это я и люблю его, что поправ. Кто за то, что я люблю Христа, прошу выпппить! Варвара Ивановна, поухаживайте за дядюшкой. Хрисвос, дядя! Что?.. Не дышит?.. Мертвый... Вот... воистину... штука... Господи! И с чего б он? Такой здоровый... И не болел...

— Центральная? Центральная? Что? А? Скорую помощь! Что? Скорая пом... Пожалуйста, срочно... Труп... Ну да... Разговелся — и готовый... Был дядя — теперь труп. Что? Ну да. До того был живой, как следует... Теперь мертвый, как сслед... Не возите мертвых? А как же? Господи!

— Товарищ милиционер... простите... У меня трупный дядя уже два часа мертвый отдыхает... Пожалуйста, что делать? Заберут, говорят? Большое спасибо... И как оно приключилось с дядюшкой... Никогда с ним такого не бывало, чтоб смерть... Иду... иду...

— Что же это такое?.. Товарищи?.. Варвара Ивановна! Степан Степанович! Ммманя... Дети... Да не плачьте! «Не плачьте над трупами павших борцов»... Нехххарашо это...

1929

КОГДА БУДУТ КРЕМАТОРИИ

Как оно тогда будет?

А вот как.

Купил себе просторный шкаф или пристроил к стене полку, расставил там урны или, если ты патриот, опошнянские кувшины с прахом незабвенных и дорогих твоему сердцу покойников.

Пришли, например, к тебе гости.

Пока жена готовит закуску на радиокухне, ты, не допуская того, чтобы гости разглядывали альбом, рвали переплеты и слюнявили пальцами фотографии, подводишь их к полочке и начинаешь:

— Деда Кондрата пепел. Умер тогда-то. Знаменит был тем, что мог сразу съесть два жареных индюка, был, как бы сказать, уникам. Ведь сколько стоит свет, ничего подобного не было зафиксировано. И лишь после смерти деда Кондрата знаменитая поговорка «Нет хуже индюка: одного мало, а два не съешь» вновь обрела право на существование.

Отец Михайло. При жизни преобыкновенный человек, после смерти прославился на весь мир. Сгорел в крематории за две минуты, тогда как простой покойник горит минимум двенадцать минут. Удивлялись даже крематорщики.

А покойная мама Параска, жена его, стоит и говорит, слезы платком утирая:

— Ничего дивного, люди добрые. Покойничек, царство небесное, так наспиртовался за 75 лет жизни, что я все удивляюсь, как он живьем не сгорел.

— А это макитра с прахом тетки Килины, знаменитой лебединской бубличницы. Дородная была женщина — пудов на девять. В обычную урну не вошла. Пришлось макитру покупать.

А вот малюсенький кувшинчик с прахом дяди Миколы, известного украинского пролетпоэта. Еще при жизни так измолотили его критики и профессия, что пепла почти не осталось. На кувшинчике — видите? — вылеплена эпитафия, которую он написал за две минуты до финиша:

«Жизненная закончилась история...
Небольшая очередь в крематорий —
И я умру...

Оставляю вам
Горсточку пепла в икс грамм...»

.....

Сели вы с гостями за стол, начинаете закусывать, а ваша жена вдруг:
— Знаешь, Остапчик, сегодня твой покойный папа именинник!
Вы к шкафу, урну с пеплом папаши на стол и:
— За потустороннее здоровье Михайла Кондратьевича! Уррраа!
Гости чокаются с урною, и покойник принимает непосредственное участие в веселой вечеринке.

Можно даже пойти дальше: открыть крышку урны и плеснуть туда рюмку водки прямо в пепел: иллюзия участия покойника в вечеринке достигнет всех ста процентов.

В наши дни это совершенно невозможно.

.....

Если кто из гостей намекнет, что ваша коллекция пепла родственников скромна, а его куда богаче, не отчаивайтесь. Выйти из этого не очень приятного положения довольно легко. Вы отвечаете счастливицу, что 18 урн вашей коллекции сейчас в ремонте. Красятся. Это мгновенно повысит ваши акции. А если хотите, можно вызвать и сочувствие аудитории таким правдивым способом.

Вы, вздыхая, рассказываете, что вчера в шкафу № 2 скреблась мышь и бесовский кот, бросившись на нее, начисто смахнул с полки все урны. Кокнулось 14 урн с пеплом и две пустых, купленных случайно про запас для тещи и тестя.

Со стороны гостей сочувствие безусловное и счастливчик посрамлен.

.....

Так будет.

И тогда слова, которые пишут на крестах и памятниках, — «Дорогому, незабываемому» — действительно будут иметь значение. Сейчас, например, вас перебрасывают по профлинии из Харькова в Киев. Не повезете же вы с собой могилы и, конечно, все «незабываемые» сразу становятся забытыми. А тогда — раз плюнуть. Ящик, древесные опилки или дешевая вата и — поехали деды, бабы, тети, дяди и т. д. в Киев.

Одно только страшно. Это чтоб в те прекрасные времена не было жилкризиса. А то, понимаете, в шкафу на месте урн будет спать ваша дочечка Сатира, а на полке в кабинете пристроится ваш безработный брат Юмор Кондратьевич и временно проживет три года.

Если не будет жилкризиса — прекрасно все будет.

ХИТРЫЙ ВРАЧ

(Шутка в одном действии)

Действующие лица: врач, симулянт.

Комната меблирована как врачебный кабинет: стол с бумагами, деревянный диван, шкаф с медикаментами, несколько стульев и т. д. Когда поднимается занавес, на сцене никого нет, за кулисами гвалт, ссора. Выкрики: «Моя очередь», «Я раньше вас пришел», «Моть, я инвалид» и т. д.

В р а ч (влезает в окно). Ффффу! Да где! Как в трамвае. Чуть не задавили. Да где! Курортная кампания: в свой собственный кабинет надо через окно лезть. Да где! Ну-с, надо приготовиться. (Снимает с вешалки халат, надевает). Да где! (Пробует мускулы на руках). Слабиссимо! Нет! Одежда средневековых рыцарей больше подходит к современным условиям, полагаться на собственные бицепсы опасно. (Надевает поверх халата жестяной панцирь). Ишь, как прогнулся... Здорово его вчера саданул тот, что на туберкулез в руках жаловался... Да где... Ну-с? Кажется, все... Больше, кажется, ничего нет такого выразительного. (Берет пресс-папье, прячет в стол, осматривает комнату). Все! Так! Готово! (Зовет). Санитар! (За кулисами шум). Санитарrrr! (За кулисами перебранка, слышится звонкая пощечина, вопль: «Ай, мама!»)

Влетает с и м у л я н т.

В р а ч: Санита...

С и м у л я н т. Санитара? Уже нет! И что ты такого хлипкого ставишь? Только раз вдарил, а он уже к земле припадает?

В р а ч. В чем дело, товарищ?

С и м у л я н т. В груди.

В р а ч. В чем?

С и м у л я н т. В груди. Разве не видишь, как я взволнованно дышу?

В р а ч. А что именно в груди?

С и м у л я н т. А я знаю? Может, пеницит, может, шкарлятина. Это уже твое дело. (Намеревается снять пиджак).

В р а ч. (испуганно). Что... что вы делаете?

С и м у л я н т. Ги-ги. Да не бойся. А может, я тебя еще и не пожелаю бить. Ги-ги!

В р а ч. Да где... Мне надо записать вас, товарищ.
С и м у л я н т. Записать? Ну пиши, пиши, а я пока болезнь подготую.

В р а ч. (записывает). Где вы работаете, товарищ?

С и м у л я н т. Завод «Червона кишка». Кишки выворачиваю. Семнадцатый разряд плюс пятидневка прогула.

В р а ч. Пятидневка?

С и м у л я н т. Ну да! Спец!

В р а ч. Так, так... Ну, подойдите сюда, товарищ. Я вас сейчас простукаю.

С и м у л я н т. Ну-ну-ну! Я тебе простукаю!

В р а ч. Да вы не бойтесь, товарищ.

С и м у л я н т. Кого? Ха-ха-ха! Тебя? Субтильный ты, братишка, элемент, чтоб я тебя боялся. Ну на. (Подставляет грудь). Стукай! (Врач простукивает). Ой! Только не щекочи... (Смеется). Ой! Да не щекочи... ха-ха-ха... я ревнивый!!!

В р а ч. Тут болит?

С и м у л я н т. Спрашиваешь! Конечно же, болит!

В р а ч. Давно?

С и м у л я н т. Пиши, с девятьсот пятого года.

В р а ч. Ну, станьте сюда... Дышите! (Прикладывает ухо к груди). Дышите. (Симулянт дышит так, что врач подпрыгивает). Так (пожимает плечами). Да где... Повернитесь. (Дает фоноскоп, симулянт смотрит на аппарат и кладет в карман). Да не в карман, а сюда. (Кладет на грудь). Дышите! Еще! Еще! Еще раз! Не дышите...

С и м у л я н т. Что ты мне на четырнадцатом году революции дышать не даешь?

В р а ч. Нет, товарищ. Это мне для науки надо.

С и м у л я н т. Ну разве. Раз для науки — могу.

В р а ч. Садитесь, товарищ. Как у вас зубы?

С и м у л я н т. Не все. В позапрошлом году у Феньки на дискуссиях три зуба выбили.

В р а ч. Эге... А язык как у вас?

С и м у л я н т. И язык болит. Понимаешь, не могу правильно выражаться. Примером, хочу хорошее слово сказать, а высказывает мат. Ревматизм, что ли?

В р а ч. Так, так... А как у вас глаза?

С и м у л я н т. А что? Может, скажешь здоровые? Не вижу. Ей-богу. Например, полчаса с тобою разговариваю, а до сих пор не пойму, кто ты, мужчина или, может, женщина-врач? (Подталкивает врача локтем).

В р а ч. Да где... А руки?

С и м у л я н т. Ой слабые! Насилу очередь растолкал, пока к тебе добрался. А санитар твоего ударил, а он даже не умер. Дышит...

В р а ч. Дышит?

С и м у л я н т. (вздыхая). Дышит...

В р а ч. А с сердцем ничего не замечаете?

С и м у л я н т. Ой боже ж мой! Наоборот. Без сердца ничего не замечая. Только с сердцем. Даже получку с сердцем получаю. Серчаю, что за прогулы выворачивают. Сердечный я (плачет) инвалид.

В р а ч. Успокойтесь, товарищ. Ну а ноги как?

С и м у л я н т. Ноги? Как раз плюнуть. Болят. И ноги болят, и горло болит... Никак не пойму, что за неувязка. Ноги промочу — горло не работает, горло промочу — ноги не работают. Паралич... (Всхлипывает).

В р а ч. Значит, вы водку пьете?

С и м у л я н т. Пью, пью... (Плачет). Врать не стану. Пью... Вот только не закусываю.

В р а ч. Не закусываете? А почему не закусываете?

С и м у л я н т. Нельзя.

В р а ч. Почему нельзя?

С и м у л я н т. Катар.

В р а ч. Катар? Да где... А откуда вы знаете?

С и м у л я н т. Знакомый фельдшер говорил. У вас, говорит, катар аж двенадцативёрстной кишки.

В р а ч. Двенадцативёрстной? Ложитесь...

С и м у л я н т. Ай...

В р а ч. Ложитесь, ложитесь.

С и м у л я н т. Вот тебе и на! (Ложится на диван).

Врач начинает ощупывать живот.

С и м у л я н т. Ой, ой! (Смеется). Туда не лезь, там у меня ломота.

В р а ч. Грыжа?

С и м у л я н т. Да, ломота. В семнадцатом году буржуа с моста кидал, так надорвался.

В р а ч. Ну, ложитесь. (Закатывает рукава и хочет снова пощупать).

С и м у л я н т. (Кричит во все горло). О-ой!!!

В р а ч. Что вы кричите, я ж еще вас не давил.

С и м у л я н т. А что, хочешь придавить?

В р а ч. Нет, нет, товарищ. Я только прощупаю вашу слепую кишку.

С и м у л я н т. Гля! Уже и кишка ослепла. Полный прорыв в организме!

В р а ч. Да где... С организмом у вас действительно плохо. Долго лечиться придется.

С и м у л я н т. (радостно). Значит, освобождение?

В р а ч. Вряд ли освобождение тут попрет. Да где... Придется и на курорт вас послать.

С и м у л я н т. На курорт? Да дорогой же ж мужчина науки! Что ж ты молчал? На курорт! На курорт! (Танцует).

В р а ч. Успеете! Надо сначала небольшую операцию.

С и м у л я н т. Операцию? Зачем же операцию? Мать, хватит пока освобождения?

В р а ч. Нет, товарищ. Там у вас двенадцативёрстная кишка малость испортилась, так мы ее чуточку, вёрст на пять, укоротим. Отрежем! Ложитесь сюда!

С и м у л я н т. Да я здоров!

В р а ч. Ложитесь, ложитесь. (Достает из шкафа большущий нож).

С и м у л я н т. Хворые ноженьки, спасайте! (Убегает).

В р а ч. (Достает из ящика стола колбасу, отрезает кусок, начинает есть и хитро смеется.) Санитар! Давайте следующего!

ЦАРИ ПРИРОДЫ

В субботу вечером, когда каждый честный трудящийся имеет по кодексу труда 42-часовой непрерывный отдых, в пивной на площади Возрождения сидели двое и пили пиво. Это были помбух треста Центропудра Корней Делегаденко и делопроизводитель Аркадий Рукипрочский.

Какие темные силы толкнули их на почти исключительное среди граждан страны занятие, автор, к сожалению, объяснить не может, но за факт тот полностью ручается.

Делегаденко и Рукипрочский пили пиво и болтали. О «прогессе». Обстановка благоприятствовала больше всего именно этой теме. Оркестр играл «Баядерку».

— Возьми, например, автопробег,— говорил Рукипрочский, поднимая с пола сосиску,— возьми, я говорю, автоперегоны. Я тебя, Корнюша, спрашиваю кон ... токорентно: мог ли при царском гнете рабочий или служащий на автомобилях гоняться? Мог, я тебя спрашиваю, участие в рекордах принимать? А коли не мог, то разве что чинил дорогу для буржуев, которые ездили. А теперь пожалуйста: хочешь — пиво пей, хочешь — рекорды ставь! А масштабчик перегонов, Корнюша! Ленинград — Тифлис или, как говорили до революции, от Кавказа до Алтая, от Амра до Днепра! Вот что значит прогресс!

Ты, Корней, физики не криви. Я тебя, пессимистика, знаю. Ты, конечно, начнешь мне заграницей тыкать. За кордоном, мол, то, за кордоном се. Брось, брат, критику. Я могу разбить ее так, как этот стакан. Ухлопаю и за границу не поеду. Хочешь? Пожалуйста.

Конка ходила, я тебя спрашиваю? А теперь автобусы, трамваи, автомобили не дают по улице пройти. На крышах, я тебя спрашиваю, кто кроме котов устраивал для тебя концерты? А теперь пожалуйста. Громкоговоритель. Раз, два и: «О дайте, дайте мне свободу, не то сбегу, побей меня господь». Из «Князя Игоря». Аэропланы, пионеры, остановки, та-кси.

Приятно, черт подери, Корнюша, сознавать, что ты, например, человек. Толкач того самого прогресса, а не какая-нибудь пресмыкающаяся гадюка или тому подобный карась... А? Ты только посмотри, что человек вокруг себя наделал. Радио, техника, физика, химика. И все кто?

Челло-оо-овек! Венец миро-издания. Царь природы! А ты с критикой...

Выпьем, Корнюша, потому не могу я спокойно про такие вещи говорить. Радость на меня буйная надвигается. Так и хочется крикнуть: эх вы, которые самые...

Ну что ты скажешь, Корней? Неправильно я говорю?

— Ты говоришь правильно, Аркадий, и я с тобой совершенно не согласен, — ответил Делегаденко, обсасывая со свистом хвостик воблы. — Ну какой, например, я царь природы, коли эта ахворизма абсолютно ни к чему. Пустой звук. Мираж-фиксаж и больше ничего. Ну какой я царь, допустим, природы, коли меня никто не боится, а я всех и всего боюсь?

Дома я боюсь своей царицы Одарки Микитовны, по дороге на службу боюсь опоздать на три секунды, на службе боюсь зава, месткома, секретаря, главбуха, потому как я всего лишь помбух. Словом, боюсь, так сказать, по всем правильно взятым линиям: производственной, профсоюзной, потной¹, служебной и семейной. Какой из меня царь, коли царство мое ограничено шестнадцатью аршинами жилплощади и в этой зажатой монархии царствую, собственно, не я, а жакт. Радио, конечно, хорошо, но зачем же делать из меня добровольца авияхема, коли я того, допустим, не хочу. А выпить за прогресс — почему не выпить. Сколько угодно могу выпить и сочувствовать, но позволь мне на чай официанту дать, коли я того, например, желаю.

Приятели выпили, расплатились и, пошатываясь, вышли.

Убирая посуду, официант сунул в карман 20 копеек, которые лежали на столе, под пепельницей. Официант посмотрел вслед приятелям и с укором проговорил:

— Тоже критиканы... А на чай давать можно? Оскорблять человека можно? Слюнявая антиллигенция!

1929

ДАЧНЫЕ МУЧЕНИКИ

— Дача в наши дни вещь необходимая, как, скажем, страхкасса или очередь на трамвай. Потому — воздух. А без воздуха, сами, товарищи, знаете, долго не проживешь. В городе духота, пыль, асфальтовая мосто-

---

¹ От НОТ — научная организация труда.

вая иногда попадает, нагревается все невозможно и — для здоровья минус. Опять же плюются...

— Да я не про то, я относительно здоровья. Недавно в журнале читал. Ну, написано все досконально. К примеру, плюнул гражданин. Кажется, что тут дивного, а наука — она, брат, до всего доходит. Где, к примеру, ничего не поймешь, она тебе, братец ты мой, пунктиром покажет, какой от плевания вред и социальная опасность. Потому бактерия из плевок в воздух, из воздуха в выпивку или в закуску попадает. Ну а с выпивкой тут уж у бактерии одна дорога — в желудок. И, конечно, результат. Гражданин, может, на свои честные выпил, а потом приходится районного врача неделю ждать или в карете скорой помощи помирать.

— Оно так. В городе, что и говорить, для здоровья атмосфера неподходящая: Азота в воздухе нет. Ну и валит народ на дачу. Хотя раз в неделю воздуха набраться, азотом побаловаться. Только народу того очень много стало. Пришли, как будто и немного было, а сейчас набралась бессметная сила.

— Кондуктор! Почему поезд не отправляют? Сами, наверно, каждый день по дачным местам ездите, а тут раз в неделю выберешься и то задерживают.

— Не от нас это зависит! Поезда по расписанию отправляют.

— Так опаздывает же! Уже на десять минут опоздал.

— Все равно хоть и опаздывает, а без расписания отправить поезд нельзя, такой порядок.

— Господи! Духота какая. Нет того, чтоб вагонов больше дать. Все ж легче.

— Граждане! Куда, к слову, этот поезд собрался идти?

— А вам куда надо?

— На дачу... Кум десятью минутами раньше поехал, ну а я, значит, растерялся... с кумом. И теперь моя задача догнать кума...

— Поезд на Мерефу.

— И прекрасно. На Мерефу так на Мерефу. Мне абы кума догнать...

— Куда ж вы лезете, гражданка? Видите, живого места нет. Нельзя же лезть без церемоний прямо на людей. Понимать же надо.

— Сам пораньше влез, так уже других не пускает. Что ж мне, по-моему левую ногу на перроне оставить? Я уже вся влезла, только левую ногу никак не пристрою. Бюрокрад какой.

— Что ж вы ругаетесь, гражданка?.. Твое счастье, придавили меня, а то б я тебе показал, какой бюрокрад. А еще вроде дама. Особа из прекрасного пола. Сказал бы я тебе, какая ты особа, да трех рублей жалко.

— Граждане, прекратите дискуссию, все одно проголосовать не удастся. Так прижали — руки поднять невозможно.

— Товарищ, нада ж понимать сознательность. Вы ж корзину на ребенка поставили, ребенок тоже «предмет удешевленный».

— Извините, не видно мне сади.

- Сссзззди! Смотреть надо глазами, а не штанами.
- Действительно... Штаны белые натянул, так уже и думает, что людей можно давить. Из малого, может, путное что выйдет — смена какая или «наше будущее», а его прежде времени норовят раздавить. А еще «Друга детей» на груди носит.
- Граждане! Пропустите дамочку на площадку, с ними нехарашо. Глубокий обморок, даже краска на губах побледнела.
- Раз краска побледнела, значит, обморок. Потому, если дамочка хоть капельку при себе, до этого не допустит.
- Манечка! Все вещи забрали? Проверь!
- Все. Только вот бабушки не видно... Мама! Мы, кажется, бабушку потеряли.
- Товарищи! Гражданин тещу потерял! Вот радость!
- Какая там радость?
- Известно какая — семейная...
- Мама! Бабушка нашлась...
- Нашлась? Как?
- Ну да! На ней гражданин сидел. В Покотиловке сошел. Спит сейчас бабушка, улыбается.
- Товарищи! А теща у гражданина нашлась. Радовался он, выходит, преждевременно.
- Степа! Кажется, Мерефа! Слезай! Назад, гляди же, вместе!

ПОПУЛЯРНОСТЬ

Молодой поэт Павлуша Малопийченко ехал к своей невесте, которая жила в Мерефе на даче.

Публики в вагоне не густо. Человек тридцать, больше торговки, возвращающиеся из Харькова с пустыми кошелками. Ехали еще три железнодорожника, седой старичок и две гражданочки.

Гражданочки принадлежали к категории так называемых «пухленьких» блондиночек с ямочками на щеках и «капризными носиками», к категории, сильно распространенной у нас на Украине благодаря климату и ТЭЖЭ¹.

Настроение у Павлуши прекрасное. Этому способствовало все: и перспектива свидания с нареченой (Павлуша был очень влюблен), и чудесная погода, и, главное, то, что в Павлушином кармане лежал только что из типографии сборник его стихов с посвящением: «Несравненной Елене — звезде моей огненной».

Если добавить, что это был первый Павлушин сборник, ничего не

---

¹ ТЭЖЭ — трест эфирножировых эликсиров.

будет странного в том, что Павлуша все время нетерпеливо смотрел на часы, много курил и поминутно перебегал от окна к окну.

Поезд остановился на какой-то дачной остановке. Одна из блондинок, до этого внимательно следившая за Павлушей и его нервным поведением, начала что-то тихо нашептывать соседке. Нетрудно догадаться, что причиной шепота был Павлуша: вторая блондинка тоже, будто нарочно, посмотрела на Павлушу и кивнула головой.

Заметив это, Павлуша подумал:

«Приятно! Меня уже замечают. Значит, где-то видели мой портрет, читали. Уррра, черт побери! Когда буду сдавать в печать второй сборник, надо коротенькую автобиографию тиснуть с портретиком. Для популяризации не вредно. О, как на меня усталились!»

Блондинки в самом деле «стреляли» все время в Павлушу, пока поезд не остановился в Карачевке, где они, еще раз поглядев на Павлушу, торопливо покинули вагон. Вместе с ними вышли железнодорожники и несколько торговков.

Павлуша подсел к старичку и закурил «эсперо».

— Ишь ты, какие специалистки, — проговорил старичок, ни к кому не обращаясь. — Хотели без билетов проехать.

— Кто? — спросил Павлуша. — Торговки?

— Какие там торговки? Две крашенные дамочки, напротив меня сидели. Думали, вы контролер и — ходу. А им до Мереры надо. Напугали вы их... Одна все шептала: «Говорю тебе — контролер. Вот увидишь, когда высадит. Лучше сойдем в Карачевке»... Вот и вышли! История. А какая вы контролер... Контролера я знаю. Он такой солидный...

Павлуша встал и со зла плюнул в окно.

1928

ПОДХОД

Такое происшествие случилось в нашем театре. Кончился акт. Дали занавес. Аплодисменты. Актеры кланяются, то, се... А тут неожиданно переносные кулисы падают и одну артистку — главную роль играла — по голове... Ну, конечно, понесли на руках в уборную... Туда-сюда. Отливали водой, врач появился. Дал каких-то капель — очнулась... Но играть не может. А тут надо еще один акт доигрывать. Что делать? Директор бежит, администратор мечется. Послали за одной актрисой — нет дома, за второй — тоже нет... А публика галдит, ногами топает. Директор наконец отважился. Вышел на сцену.

— Так и так, несчастный случай, сами видели. Заменить товарища Канделяброву нечем... Извините, спектакль окончен...

Так верите, такое в зале поднялось — не приведи господь.

— Как? — кричат. — Обманывать народ...

— Деньги взяли, так доигрывайте!

— Я, может, только для того и приходил, чтоб посмотреть, как ее в последнем действии зарежут.

— Такой у вас подход к зрителю!

— Такое у вас обхождение с массами!

— А-га-га! Вот это номер! Без развязки домой идти?

Одно слово, скандал. Директор удрал со сцены, чуть не плачет. Кричит: «Это ж они могут до утра в театре сидеть! Любой ценой доставить Порцелянову, пусть играет за Канделяброву!»

А в этот момент за кулисами кто-то хриплым басом:

— Не умеют правильно подойти к массам... А как не найдут Порцелянову, что тогда? Начальство! Доверили б мне...

Директор за кулисы. А там сидит наш старый хорист Микола Карпович и спокойно ест колбасу.

— Это вы сейчас говорили?

— Я.

— Вы можете ликвидировать этот скандал?

— Думаю, что могу.

— Голубчик, выручайте!

— Ладно. Пускай дают три звонка. Я сейчас.

В зале немного стихло. Микола Карпович вышел за занавес и начал:

— Уважаемые товарищи! Не волнуйтесь. Сейчас начнем. Артистка Канделяброва пришла в себя... Мы, собственно, могли бы начать значительно раньше, но, знаете, произошла еще одна так себе история... На раздевалку, где висят ваши пальто, шубы, манто, шапки, напали бандиты... Да не волнуйтесь! Ничего не случилось. Просто бандиты связали капельдинеров и захватили много одежды... Какие именно украдены номера, сейчас мы...

Но никто уже не слушал Миколу Карповича. Публика побежала одеваться и через полчаса в театре никого не было.

Пошли мы потом в пивную, и Микола Карпович с нами.

Выпили. И Микола Карпович выпил.

Спрашиваем его:

— Как вы додумались до такой штуки, Микола Карпович? Это ж гениально!

— И ничего гениального, — ответил он, наливая себе пива. — Просто надо уметь подойти к массам.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Я, уважаемые товарищи, человек почти культурный и во всем полагаюсь на науку. Не могу, одним словом, без науки дыхнуть. Например, жена огурцы солит, а я стою рядом с «Подарком молодым хозяйкам» в руках и слежу, чтоб все по науке было. Подвернется, скажем, такая ситуация — надо сынку клизму поставить. Я беру «Сам себе врач» и, пока мой сын дерет горло, держась за живот, перелистываю триста страниц «Самого себе врача», нахожу то место, где говорится о научной постановке клизмы, и сынок мой начинает визжать уже от науки.

Вообще никто не имеет права упрекнуть меня в том, что я игнорирую науку. Ни в коем случае.

И когда я, прочитав в газетах (видите, и газеты читаю) о затмении солнца 29 июня, начал готовиться к этому всемирному событию. В этом ничего странного нет. Готовился я основательно. Читал «Вечернее радио», закоптил стекло, невольно вспомнил, что в начале войны 1914 года тоже было затмение солнца... Но вспомнил между прочим, потому что уверен, что войны не будет: войны-то мы не хотим. А придется воевать, так пусть знают акулы, что мы готовы. Кстати, никогда не думал, что сахарин такой дорогой. Если сравнить с воблой, выходит, что кило сахарина стоит, как пять пудов воблы. Ну, сахарин спрятал в радиоприемник, а что с воблой делать не знаю.

Кум Бензол Иосипович надоумливал сделать из воблы матрац. Пожалуй, придется так и сделать. Малость неприятно, но ничего не поделаешь.

Значит, о затмении. 29 июня проснулся в шесть. Позавтракал воблой. В семь вышел из дому. Решил наблюдать на улице, как природа будет переживать это событие. Наука говорит (читал в календаре), что растения, а особенно животные, реагируют. Ладно. Началось затмение и вместе с ним началось и мое разочарование в науке.

Действительно, товарищи, с затмением наука подкачала.

Истинно — видел. Безусловно, солнце потемнело с левого фланга. Вроде кто на него надвинул, а потом отодвинул обыкновенную сковороду. Да и то не смог на все солнце надвинуть, а лишь на половину.

Ну, надвинул! Ну, ладно! А дальше? Где смена явлений в природе? Где паника среди животных и растений? Не видел никакой паники. Правда, в трамвае на Пушкинской была свалка, так то совсем по другой причине. Высаживали гражданку какую-то, хотела пятилетнего сына провезти за трехлетнего и кричала на кондуктора:

— У mine муж не знает, сколько ему лет, а то он знает...

Так это у нас каждый день случается.

Животные держались спокойно. Лошади извозчиков, как и всегда, оставляли на мостовой нормальную дозу спецпрокорма для воробьев, собаки в намордниках тоже вели себя пристойно. Открытых выступлений против усущи собачьих прав не замечал. Козы? Да сколько тех коз в Харькове?.. Люди?..

Люди действительно реагировали, но как-то невыразительно. Каждый смотрит на солнце через черное стекло, а что у него в голове — поди узнай. Иной глядит на солнце, а сам, может, думает: «Не опоздать бы в должность, а то оштрафую».

Люди — они всегда люди.

А паники не было абсолютно. Не то что паники, даже пьяного ни одного не видел.

Вот и верь после этого календарям, верь научным авторитетам. Ей-богу, еще одно затмение и я окончательно разочаруюсь в науке. А может, сделать это сейчас, не ожидая затмения? По крайней мере хоть моему сыну будет легче.

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

Теперь, товарищи, я своего сына каждый день буду лупцевать. Не учит, понимаете, иностранные языки. Так по наукам идет ничего и физкульт основательно знает, и

Мы на горе всем буржуям

Мировой пожар раздуем

бойко запузывает. И вообще смена растет подходящая. А иностранные языки не учит. А это плохо. В наше время без знания иностранного языка жить трудно. На каждом шагу натыкаешься на какую-нибудь иностранщину: то заграничная делегация приедет, то в клубе тебе доклад читают. Да и в повседневной жизни без этого лиха не обойдешься.

Вот как-то в кино зашел. Последний боевик заинтересовал. Название такое иностранное — «Спиртак».

Думаю, надо зайти.

Зашел и сразу почувствовал, великое дело знание иностранного языка.

Заходя, значит. Жду. Демонстрировали еще первый сеанс, а я на второй.

Жду и «эксельянс» закуриваю. Подходит милиционер и говорит:

— Курить тут низзя! Тут, — говорит, — хвое, а не вистюбиль. Платите, гражданин, три рубля штрафа для аннулировки конхликта.

— Извините, говорю, товарищ, я думал, что это...

— Никаких контропромиссов, гражданин! Видите плякат, ясно написано: «Курить у вистюбиль».

— Я, товарищ, думал, это и есть вистюбиль.

— Ну, то уж дело не мое, раз вы, гражданин, слабоваты в иностранном языке. Мое дело ликвидировать порядок. А то только дозволю инерцию публике, так получится сама вахканалия. Платите без прений!

Заплатил я три рубля.

И правильно. Изучай иностранные языки вовремя, тогда тебе за вистюбил никто штрафа не пришпандорит.

1928

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МОМЕНТА

В тот момент, когда аудитория была окончательно покорена силою ораторского красноречия, в тот самый момент, когда не только дежурный пожарный, но даже и члены президиума перестали зевать и начали внимательно слушать, в тот момент, когда сам оратор увидел, что его речь окончательно обошла все рифы и теперь спокойно полилась, как Днепр ниже порогов,— в тот момент в рот оратору влетела муха.

Оратор фыркнул, закашлялся, удивленно развел руками, словно хотел сказать: «Товарищи, в чем дело?», но потом решительно поймал муху кончиком языка и проглотил.

Конечно, если бы это событие произошло при других обстоятельствах, скажем, за обедом, можно было бы просто ликвидировать недоумение. Выплюнул муху и баста.

Но плевать на сцене перед публикой да еще в такой ответственный момент было абсолютно невозможно: неэстетично, некрасиво и некультурно, тем паче, что оратор битых два часа говорил о культурной революции.

«ОСКУДЕНИЕ»

Председатель местного филиала союза охотников сложил газету и вздохнул.

— Снова...

— Что снова? — спросил секретарь.

— Да вот снова в субботу у Кулгиновки один утонул — за уткой в болото полез,— а один всадил заряд в спину какому-то селянину. На-смерть было не уложил. Надо что-то делать, Василь Гордеевич. Читал я недавно в одной столичной газете, что следовало бы таких горе-охотников водить на охоту с инструкторами. Может, и нам попробовать, как вы думаете, а?

— А что ж, давайте попробуем.

— Добро. Пишите постановление.

. . . . .

Из лесу вышла группа охотников, человек двадцать. Пройдя шагов двести, группа расположилась на небольшом бугорочке. Один из охотников, важный старичок в роговых очках, с палочкой и термосом на плече, снял шляпу, вытер лысину платочком и сказал:

— Ну и печет...

— Да, припекает, — ответил ему юноша, обвешанный патронташами, ягдташами. — Однако, Кирила Петрович, уже полчетвертого. Может, начнем?

— Сейчас начнем.

И в этом «начнем» слышалось что-то такое, будто Кириле Петровичу придется по крайней мере начинать или умирать, или садиться в специальное кресло зубного врача.

— Значит, почтенные товарищи, на прошлой неделе мы с вами штудировали утку. Уверен, что вы еще не забыли моих замечаний и указаний. Тема сегодняшней нашей лекции — заяц.

Заяц принадлежит к группе диких зверей. Водится преимущественно повсеместно. В природе существует много зайцев, но грубо, схематично, так бы сказать, их можно поделить на четыре породы: железно-дорожных, радио зайцев, базарных и лесных (полевых, луговых). В данном случае нас, охотников, интересуют лишь две последние породы, то есть базарные и лесные, потому как первые две породы изучают довольно усердно и не без успеха охотники железнодорожного контроля и агенты финотдела.

Значит, про базарных и лесных зайцев.

Из предыдущего моего замечания вы наверняка сделали вывод, что названия «базарный», «полевой», «луговой» и «лесной» зайцы перенимают от тех местностей, где они плодятся, живут, работают и исполняют разные обязанности, возможно, выборные, а возможно, и по назначению. Что такое базар, лес, поле, луг вы знаете из моих предыдущих лекций, но ради целесообразности коротенько напомним. Базар — это местность, где ваша мама закупает продукты, лесом называется общее собрание деревьев, лугом — пленум травы и сена, а полем — жилплощадь будущих французских булок, поковских печений и копеечных бубликов.

В этом месте Кирила Петрович закурил трубку. Аудитория придвинулась ближе.

— Идем дальше. Характерные признаки зайцев: короткий хвост, длинные уши, задние ноги длиннее передних.

Обличьем своим зайцы напоминают в некоторой степени небольших собак и поросят до трехмесячного возраста. Следственно, чтобы во время охоты вы невзначай не ухлопали щенка или поросенка, помните главное: зайцы никогда не гавкают и не хрюкают. Значит, если вы заметили где-нибудь зверину, которая, по вашему мнению, может быть и зайцем, вы, прежде чем стрелять, потихоньку подходите к зверине и нежно говорите: «цю-ци, цю-ци» или «пац-пац-пац!» И если после это-

го зверина не твякнет и не хрюкнет — стреляйте. Никакого сомнения: перед вами заяц.

Теперь переходим ко второй части нашей лекции, а именно: как стрелять зайцев?

Внимание, товарищи! Помните, что охотник не для того существует на свете, чтобы изучать зайцев, он призван истреблять зайцев.

Как же стрелять зайцев, чтоб: 1) не отстрелить себе руки или ноги (трудно в наше время добыть протез) и 2) не застрелить кого-нибудь из товарищей (хлопоты по организации похорон, подготовка к надгробному слову, алименты собаке убитого и т. д. и т. д.).

Во избежание этих неприятностей надо: а) точно установить, под каким градусом северной долготы или западной широты сидит или лежит заяц, б) под каким градусом (не водочным, конечно) стоите вы.

Определив все это, вы прикладываете ладони рупором ко рту и кричите:

— А-а-а-у-у-у-у! Товарищи-и! Я увидел зайца! Он лежит на запад от меня под 42/88 северной широты. Сейчас стрелл-л-ляяяю-ю-у! Заряд полетит на северный запад! Кто там ходит, убегай или прячься! Пре-ду-преж-даю-у-у! Раз, два, три!

А потом уж спокойно стреляете.

Это когда заяц лежит. А когда заяц бежит, способы подготовки к стрельбе остаются прежние. Разница лишь в том, что всю подготовку вы проделываете быстрее, в зависимости от скорости заячьего бега. Вместо степенного: «А-а-а-у-у-у-у! Товарищи, я уви-и-и-иде-е-ел» и т. д. вы кричите на одном дыхании живо-живо: «Товарищи, я увидел зайца, он бежит» и т. д. Если на вашу тираду заяц, как говорят, припустит, то и вы соответственно припустите.

На этом я заканчиваю нашу сегодняшнюю лекцию. Зачеты в воскресенье за две недели, тут же. Экзаменовать буду по программе:

Утка и ее влияние на психологию начинающих охотников, заяц и статистика несчастных случаев во время охоты, охотничья собака и ее миропонимание.

Аудитория принялась закусывать. Солнце припекало.

1927

ПРО УДОЧКУ, РЫБКУ И ВООБЩЕ

Лучшее развлечение летом — ловить рыбу удочкой. Когда человеку опротивеет белый свет, человек начинает удить. Разницы между этими двумя занятиями почти никакой, потому человек ничем не рискует.

Как же ловится рыба на удочку?

Плохо ловится, а чаще совсем не ловится.

Что такое удочка в целом?

Поскольку определение, данное русской пословицей «На одном конце червяк, а на другом дурак», нас несколько не устраивает, скажем так: удочкой называется снаряд, предназначенный для массовой перевозки в дачных и других поездках в направлении мест, богатых речками, озерами и ставками. В окрестностях, где нет железной дороги, массовую перевозку заменяют массовой переноской.

Удочка — вещь довольно сложная. Состоит она из удилища, лески, поплавок и крючка.

У д и л и щ е. Длинная бамбуковая или ореховая дубина, которой, отправляясь на рыбалку, очень удобно сбивать яблоки с самых высоких яблонь. Сбивать яблоки в чужих садках не рекомендуется. Для этого, кроме удилища, надо иметь в наличии еще и резвые ноги.

Л е с к а. Тоже длинная, но уже не дубина, а нитка. Шелковая или из английского шпагата, или из конского волоса. Важная деталь: лучше рыба ловится на леску, сделанную из хвоста смиренной коняги.

Особенность лески, независимо от материала, из которого она сделана, — запутываться как раз тогда, когда вы пришли на речку и собираетесь пустить удочку в «действие». И так же запутывается, проклятая, что почти всякий раз приходится распутывать способом Александра Македонского.

К р ю ч о к, или рыбаья смерть. Это та часть удочки, которая имеет органическое свойство цепляться за все, кроме рыбы. Цепляется за осоку, лозу, камыш, ваши собственные брюки, подводную корягу и иные не относящиеся к рыбе предметы. Автору довелось в прошлом году вытащить из Ворсклы обычные парикмахерские ножницы, но рыбы, по крайней мере в тот день, как и вообще во все лето, ни одной не поймал.

П о п л а в о к. Поплавок исполняет роль сигнализатора. Он чрезвычайно точно и своевременно кивком напоминает вам, что насадка уже благополучно съедена и пора насаживать на крючок новую, ибо рыба, это нетерпеливое существо, мигом покинет ваши удочки и начнет есть насадку у вашего соседа. А это вызывает зависть. Убийственную охотничью зависть. В самом деле ужас. Вы собственными глазами видите, что рядом у Петра или у Грицька клюет и клюет, а ваши поплавки невозмутимо спокойны. Тут от зависти у вас внутри может нетерпячая жила лопнуть. Вообще поплавок невероятно важная часть удочки. По крайней мере он всегда показывает, что рыба в речке еще не перевелась и чувствует она себя неплохо, позавтракав вашей насадкой.

Некто из евангельских вождей сказал, что «вера без добрых дел мертва» есть, вот так и на удочку без насадки рыбы не поймаешь.

Что же такое насадка?

Н а с а д к а (иначе — меню рыбьего столования) — это все, что насаживаете вы на крючок с целью поймать рыбу. Рыба хватается насадку, вместе с нею крючок и... Ах! Понимаете теперь, мы не ошибемся, если ска-

жем, что насадка в сложной системе удочки играет роль заурядного провокатора.

Рыбных провокаторов не счесть (по этой части рыба счастливее человека) — горох, пшеничка, каша, хлеб, макуха, червяки, мотыльки, мухи, кузнечики, жабы и живцы. Живцы — это маленькие рыбки: пескари, верховодки.

Лучшая насадка, в чем мы убедились на собственном опыте, это горох, пшеничка, каша и хлеб. Насадки, которые в одинаковой степени усваивают как рыбаки, так и рыбы. Этого не скажешь о червяках, мухах, кузнечиках, мотыльках и лягушках. Тут рыба за, а рыбаки категорически против.

. . . . .

Мы описали основные орудия, имея которые рыбак приобретает право мечтать о массовом уничтожении щук, карпов, окуней.

Теперь несколько слов о подсобных.

С у м к а, или к о ш е л к а, куда вы имеете возможность положить хлеб, сало, селедку, воблу, яйца, спички, махорку — предметы, отсутствие которых скверно сказывается на результатах лова. Вывод: чем больше кошелка, тем больше шансов, что вы не скоро отправитесь домой, следовательно, больше поймаете рыбы. Опыт подтверждает, что количество пойманной рыбы прямо пропорционально количеству потерянного на рыбалке времени.

П а л к а. Обыкновенная палка. Ее назначение защищать ваши брюки и икры от местных собак. Иные скептики могут возразить, что палка уж и не так необходима.

Автор же остается при своем мнении. В доказательство он довольно охотно демонстрирует следы собачьих зубов на правой авторской икре. Эхо тех времен, когда автор был скептиком и игнорировал советы мудрых рыбаков.

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий Санжаровский. Братья.	3
--	---

Остап ВИШНЯ

Писатели	5
«Молочное производство»	7
Ах, молодость!	9
Что посоветуешь?	11
Сенокос	12
Держись, хлопцы!	14
«Долой стыд!»	16
Сон кобылы вороной	17
Ничего не поделаешь, готовимся!	19
Спорт на селе и вообще	20

Василь ЧЕЧВЯНСКИЙ

О себе	22
Ярмарка в Полтаве	24
Как оно будет	26
Христос воскрес	28
Когда будут крематории	29
Хитрый врач	31
Цари природы	34
Дачные мученики	35
Популярность	37
Подход	38
Разочарование	40
Иностранный язык	41
Ответственность момента	42
«Оскудение»	42
Про удочку, рыбку и вообще	44

ВИШНЯ Остап, ЧЕЧВЯНСКИЙ Василь

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МОМЕНТА

Юмористические рассказы

Редактор А. Г. П а н ч е н к о

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 18.04.90. Подписано к печати 30.05.90. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт 2,28. Уч.-изд л. 2,83. Тираж 150 000 экз. Заказ № 2210. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и Ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

СТРАХОВЫЕ УСЛУГИ КООПЕРАТИВАМ

● Имущество кооперативных (кроме колхозов) и общественных организаций может быть застраховано на случай гибели или повреждения в результате пожара, удара молнии, взрыва, наводнения, землетрясения, цунами, просадки грунта, бури, урагана, ливня, града, оползня, обвала, морозов и снегопадов, прекращения подачи электрической энергии, вызванного пожаром, стихийными бедствиями и авариями, селя, действия подпочвенных вод, затопления, проникновения воды из соседнего помещения, аварий.

● Договоры страхования заключаются сроком на один год или на неопределенный срок с ежегодным перерасчетом стоимости имущества и суммы годового платежа. С организациями, деятельность которых носит сезонный характер, может быть заключен договор и на срок менее года.

● Страховой взнос по такому договору составляет от 15 коп. до 3 руб. со 100 рублей страховой суммы в год.

● Дополнительно застраховать свое имущество можно от:

кражи со взломом (грабежа) и угона средств транспорта;

уничтожения или повреждения в результате умышленных неправомерных действий третьих лиц.

За каждое такое событие ставка платежа возрастает еще на один рубль в год.

● Рачительным хозяевам предоставляются льготы. Если страхованием было охвачено имущество в полной стоимости и не производились выплаты страхового возмещения в течение трех и более лет, то годовая сумма платежа уменьшается на 5—15%.

● Подробнее ознакомиться с условиями и заключить договор можно в инспекции государственного страхования.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ СССР.
ПРАВЛЕНИЕ.